

Т.Б. Любимова

Русская философия жизни

Россия ушла в какое-то
четвертое измерение.

С.Булгаков

Философия есть познание разумом согласно понятиям, в этом смысле она всегда рациональна, даже когда объект ее иррационален. Философии нельзя научить, философами рождаются. Чтобы быть философом, философствовать, необходимо (1) мыслить самостоятельно, (2) мыслить в согласии с самим собой и (3) уметь мыслить в согласии с другими, ставя себя на их место. Такие условия для занятия философией предложил И.Кант. Самостоятельность мышления является определяющей. Ценность философии в культуре была определена как центральная, а метафизика вообще называлась вершиной культуры. Именно философия есть свобода пользоваться своим разумом, мысль, лишенная свободы, быстро саморазрушается. Тем более она не может выступать источником «законодательства разума».

Противопоставление природы (т. е. жизни без сознания) и культуры коренится в выработанном на протяжении столетий понятии «природа», т. е. всего существующего без человека. Природа в результате секуляризации постепенно вышла из области управления Богом. Параллельно самоосознание человека через противопоставление природе сложилось в оппозицию природа-свобода. Соответственно, культуре отводилось место проявления свободной воли человека. И.Кант довел до логического совершенства эту оппозицию. Но все же в его красивой системе предусматривался в модусе «как если бы» выход к непостижимому в понятиях рас-судка уровню высших идей разума, чему в отношении природы

соответствует конечная цель природы, которую тоже следует мыслить, как если бы она существовала. Кант не находил возможным с достаточным основанием ни отрицать, ни утверждать существование реальности, соответствующей этим высшим понятиям. Необходимость их обеспечивалась самим устройством способностей познания и требованиями морали. Неокантианцы заменили этот высший уровень понятиями «ценности» и «культуры». Все цели, ценности, нормы, знания, идеи, включая идеи бессмертия, души, Бога, суть достояние культуры, их реальность есть реальность сознания. Хотя они и признаются объективно существующими, но их объективность есть значимость. Философия в XIX в. превращалась из самодостаточного и самоценного занятия в служанку науки, как некогда она оказалась служанкой богословия.

Философия жизни¹ (в лице В. Дильтея) утверждала, что методы, изучающие природу, не адекватны миру душевной жизни, науки о духе – это самостоятельная область познания (у неокантианцев – науки о культуре). Методы познания отличаются, но все равно это науки. Наука – это усилие нечто объяснить и понять, ограничиваясь определенными, не всегда осознаваемыми предпосылками. Иными словами, наука есть всегда предметное знание, никогда не универсальное, это знание об отдельном фрагменте бесконечного универсума. Философия же хочет понять «всё», универсум в его целостности, в пределе стремящаяся к беспредпосылочному знанию и в любом случае осознающая свои предпосылки.

Философия жизни в испанском варианте (Х. Ортега-и-Гассет, М. де Унамуно), как представляется, с большим успехом освобождалась от «империализма физики», «терроризма лабораторий», т. е. от гипноза научного метода в отношении философии: «сущее не делится на разум без остатка». Научный рационализм никак не отвечает на вопрос о причине недоступности истины, ведь если разум соразмерен реальности, то истина должна быть ему открыта. «Непонятно одно, – пишет Ортега-и-Гассет, – почему разум уже давным-давно не открыл универсум всех истин? Откуда такое запоздание? Как он позволил человечеству тысячелетиями забавляться в объятиях самых разнообразных заблуждений?»².

Вера в то, что можно вывести из абсолютно достоверных принципов всю сумму познания, все законы мира, существовавшая в эпоху Просвещения, испарилась. Вся культура разом лиша-

лась собственной онтологии: «Культура является биологическим инструментом, не более. В своем противостоянии жизни она занята подрывной деятельностью части против целого. Ей должно указать ее место»³. Так получается с точки зрения философии жизни. Однако роль философии как вершины культуры оказывается, напротив, не подрывной, а созидающей. Она ведь остается всегда на стороне целого, а не части, сколь ни казалась бы эта «часть» значительной. Философия – тайный пламенеющий центр бесстрастного разума, подобный «огненному Логосу» Гераклита. Она есть концентрация «страсти ума», страстного стремления к Истине как таковой. Философия не есть творение чистого разума, она может быть, как и любое другое достояние культуры, только «жизненным разумом». «Бог также есть точка зрения... Его точка зрения – это точка зрения каждого из нас; наша частная истина также является божественной истиной. Насколько достоверна наша перспектива, настолько аутентична наша реальность... Бог – символ жизненного потока; сквозь его бесконечные сети протекает капля за каплей весь универсум, являющийся столь жизненным, священным, т. е. видимым, любимым, ненавидимым, принимаемым в страдании или в наслаждении»⁴.

В настоящее время вопросы, связанные с научным познанием, вообще с наукой, рассматриваются как чуть ли не центральный раздел философских занятий. Однако можно заметить, что на самом деле слишком радикальное противопоставление двух способов понимания философии – как науки и как мировоззрения, как рационального познания и как выражения глубинного личного опыта – представляется не слишком корректным. Эти определения суть указания на метод, на возможные функции философии, но не на ее сущность. К тому же как наука, так и мировоззрение сами могут пониматься различным образом. Философия, как Протей, в разные времена выступает в совершенно разных обличьях, не переставая быть самой собой.

Однако если философия оказывается зависимой от науки, то тем самым ее духовный авторитет, который она обрела, достигнув независимости от религии, полностью исчезает, она теряет из виду собственную духовную цель и оказывается резидуумом, остатком от научной деятельности, занимает то место, до которого наука еще не добралась. Но и определение философии от противного,

т. е. простое отрицание за этой дисциплиной признаков науки, тоже не помогает восстановлению ее достоинства. В определенном смысле старания философии жизни закрепить за философией значение мировоззрения, системы фундаментальных ориентиров в индивидуальной и социальной жизни человека, повысили ее самостоятельное значение. Но поскольку запрет на метафизику, положенный позитивизмом, не был преодолен ни философией жизни, ни неокантианством, ни экзистенциализмом, постольку успехи в этом отношении остались довольно ограниченными. Философия оказывалась функционально необходимой, но не самоценной. Философия без метафизики это почти что просто литература, правда, с особым языком, категориями, которые, как фирменные знаки, указывают на когда-то влиятельную фирму, продукты которой ныне не столь уж и отличны от остальных.

Культуроцентризм немецкой философии жизни не дает ответа на вопрос о смысле существования самой философии. Философия как знание принципов должна занимать центральную позицию среди разнообразных форм культуры. Из этого центра, подобно лучам, исходят силовые линии влияния; на что могут влиять «голые» принципы? Конечно, на другие формы культуры и, следовательно, на социальные институты, на их конкретное проявление через посредство многократного отражения в различных жизненных ситуациях. Философия не может непосредственно ничем управлять, но она в качестве «смысловых формул» включена в непосредственную ткань жизни культуры, т. е. действительность как таковую. В удержании целого культуры и всей целостности жизни состоит основная ценность философии и метафизики с общей гуманистической точки зрения.

С индивидуальной точки зрения, в жизни конкретной личности философия обладает не меньшей значимостью. Это постоянное усилие, опираясь на интеллект и интуицию, восстановить равновесие в мире человека. Она не выводит человека к трансцендентному состоянию, но она есть как бы подготовительный этап посвящения, чем, кстати, она и была изначально, например, в школе Пифагора. В этом смысле история философии не может быть понята как только последовательная смена направлений, школ, связанного движения идей (подобного тому, что представлено в «Феноменологии Духа» Гегеля). Она есть одновременно

цепь индивидуальных синтезов, достигаемых конкретным человеком, которые не следуют один из другого, не «снимают» друг друга. Они самодостаточны, потому что для того момента и для того места, для того состояния мира, в котором пребывал тот или иной философ, именно достигнутый им синтез представлял собой максимально возможное и полное (полифоничное) равновесие всех нарушений, искажений, диссонансов, проблем, которые смогло вместить сознание этого философа. История философии не есть история идей, она есть история людей. Только это особые люди – им важна мысль сама по себе, причем это свободная мысль. Они постоянно заняты наведением и сохранением равновесия, порядка в сознании, который ежемгновенно нарушается.

Платон в диалоге «Тимей» рассказывает о Кормчем, который управляет космосом. Пока космос вращается, не нарушая установленного богами порядка, все в мире спокойно. Но если он «выходит из колеи» и возникает хаос, то Кормчий берет за руль и вновь возвращает его на правильную орбиту. Также поступает и философ со своим сознанием, погруженным в «информационный океан». Он приводит «космос» своего сознания (и свободной мысли) в порядок. Система – это намерение создать идеальный порядок. Отвержение системного мышления – это поиск нового уровня равновесия, синтеза, который бы вместил в себя и все то, что было выведено из равновесия разрушением предшествующего порядка. Но ведь равновесие само по себе не есть Путь, Истина и Жизнь. Оно – только средство. И своей незавершенностью достигнутый порядок указывает на более высокую цель, на выход за пределы «только разума». Диалог Платона «Парменид» заканчивается мыслью о том, что о Едином нельзя сказать ни что оно существует, ни что оно не существует. Вся философия Канта посвящена вопросу «как возможна метафизика?», на который тоже невозможно ответить в рамках этой философии⁵. Если показана подобная точка неопределенности, то, значит, философ нашел в сознании возможность выхода к центру целостного существа. Человек, стремящийся в себе к философствованию, есть аналог всей человеческой культуры, в центре которой – философия. В этом неотъемлемое его достоинство как разумного и духовного существа. Именно поэтому невозможно позаимствовать философию, т. е. принципы, проявляющиеся в конкретной многообразной и частной жизни, но как таковые

остающиеся универсальными; эти принципы должны быть достигнуты в ходе возрастания самой духовной (а следовательно, и всей остальной) жизни. Греческая философия – центр античной греческой культуры, немецкая философия – центр немецкой культуры. Точно так же, как Парфенон находится в Греции, а Кёльнский собор – в Германии, а в России – собор Василия Блаженного⁶. Сколь ни были бы значительны влияния, необходимо строить свои храмы и соборы, создавать свою философию. Универсальность ее не есть одинаковость, она коренится в недостижимой для частного метафизике, она навсегда остается где-то в будущем. Или в далеком прошлом. Всегда – «в другом месте».

«Проект» философии жизни восходит к немецким романтикам, хотя термин появился раньше. В частности, Ф.Шлегель, противопоставляя философию жизни философии школы⁷, называет ее источником «внутреннюю духовную жизнь, и притом во всей ее полноте... Философия жизни предполагает только жизнь, а именно сознание, уже пробужденное к жизни и многосторонне развитое вместе с нею, потому что она имеет своим предметом и должна познавать цельное сознание, а не одну какую-нибудь его сторону... Она вообще представляет собой не что иное, как почерпнутую из самой жизни простую теорию духовной жизни и понимание последней»⁸. Затем эта мысль о том, что надо начинать философствовать, исходя из жизни как она нам дана и переживается сознанием, получила свое дальнейшее развитие в немецкой философии жизни. Однако то, что мы можем назвать русской философией жизни, не связано с этим проектом, разве что опосредованно. Вообще идея преемственности и логической последовательности по отношению к разным культурным формам есть следствие идеи эволюции и прогресса. Означает она, что нет никакой иной реальности, кроме той, которая нам дана в пространстве и времени, и именно в этой плоскости данного и наличного всё и происходит. Но при этой предпосылке направление происходящего невозможно определить – что реально: прогресс или деградация. Для культурных форм более подходит образ растений, деревьев, каждое из которых растет отдельно, вместе они создают единый организм, лес. А дерево растет с вершины, так же как и от корня. Но никак не занимает место в лесу и силу роста у соседнего дерева.

Понятно, что источником русской философии жизни должна быть и русская жизнь, а не заимствованные культурные формы и образцы, не абстрактный человек и общечеловеческий разум⁹, которого нигде нет. Однако и философия она потому, что вышасается до универсальных и вечных истин, выразить кои языком только рассудка и «школы» весьма затруднительно. Но все же это вполне оригинальное и самобытное явление, что естественно, ведь национальный вариант философии рождается не из влияний сторонних достижений, а из развития собственной культуры, душа народа ее создает, когда настает время ее относительной зрелости, учитывая, конечно, метафоричность подобных оценок. Можно образно сказать, что у философии жизни два полюса – самобытная национальная жизнь, духовный опыт конкретного человека, а с другой стороны, универсальный духовный источник, известный как Единая Духовная Традиция, питающая собой все религии, культуры и метафизические доктрины. На современном языке ее можно назвать единым информационным полем Земли, через посредство которого нам доступно и единое поле Вселенной. Философия жизни – это не этап в развитии философии вообще, а точка зрения, занимая которую, философ постигает то, что с других, равно законных точек зрения, постичь невозможно. То есть это реализация определенных возможностей познания.

Жизнь, будучи нам дана даром и первой, изначально, к осознанию самой себя приходит последней. Так обстоит дело в индивидуальной и частной жизни, так же и в коллективной, социальной, т. е. в культуре как самосознании социума. Философия, будучи завершением всего здания культуры, начинается из общих впечатлений и «обзоров» всего данного человеку поля жизни и, в конце концов, приходит к необходимости «броситься в реку», как выразился Гегель по поводу критической философии Канта, вечно остающейся «на берегу», обсуждающей лишь теоретически, возможно ли вообще «плавание» по ненадежным, глубоким и таинственным водам познания того, что непосредственно не дано и не может быть дано ни чувствам, ни разуму. Не обсуждать возможность плавания, а броситься в воду – значит задать себе предельные вопросы, сформулировать которые уже наполовину означало бы их решение.

Русской культуре и философии очень не повезло исторически, ведь она, будучи на перекрестке самых разных влияний, отнюдь не дружественных и благоприятных, а нередко провокационных и разрушительных, жила не своей жизнью, во многом подражательной, и, естественно, пришла к осознанию необходимости своей, самобытной философии, вырастающей на почве собственной истории и собственных жизненных интересов очень поздно. Волей-неволей всякое занятие философией, в том числе и философией своей собственной истории, оставалось ученичеством и остается таковым по сию пору. Мало того, процесс ученичества также неоднократно прерывался прямыми или косвенными идеологическими запретами. История в России шла таким образом, что на нее запрещалось взглянуть непредвзято. Да и сам интерес к философии истории был заряжен идеологически, политическими и партийными интересами.

К тому же это осознание не стало в центре культуры, ее доминантой, а было, скорее, маргинальным, «на полях» социальной и культурной жизни. Но история совершается отнюдь не по прямой траектории, да и вообще не линейно. То, что было «на полях», в мгновение ока становится в центре и наоборот. И это было бы еще слишком просто! Если столь непредсказуемо движение исторического процесса, то что же можно сказать о его познании, о понимании его, что и порождает настоящую философию жизни. Понимание чужой истории всегда будет не столь интересным и поучительным, сколько понимание своей. Ученическая философия – переводы и пересказы западных и восточных доктрин – должна, наконец, перерасти в самостоятельную, русскую философию жизни, или же мы вынуждены будем предположить, что мы просто напрасно теряли время, разгадывая чуждые, не нужные нам вовсе загадки сфинкса истории, обращенные не к нам. Философия русской истории может покоиться на основании русской философии жизни.

Исходной предпосылкой понимания загадки жизни всегда бывает и навсегда остается уверенность в том, что мы реально живем, что нам наша жизнь не снится, что она не есть сон. Вся человеческая культура, противостоя непосредственному жизненному потоку, тем не менее именно его имеет в виду и о нем только заботится. Второй подобной предпосылкой может считаться убеждение, что жизнь везде и всегда одинакова в принципе, поэтому можно перено-

схемы понимания из одного времени, из одного социума, пространства в другие социумы, пространства, времена. Обе предпосылки принимаются, как и положено им, безо всякого критического осмысления, как аксиомы. На деле они, конечно, очень ненадежны и зыбки, не могут быть обоснованы каким-то приемлемым образом.

Изначальная реальность всегда есть сама жизнь, ведь все, о чем мы можем знать и, следовательно, размышлять, открывается нам с точки зрения конкретного живого человека. И познаваемой реальностью также является жизнь. Правда, именно этот факт обычно берется в скобки, и рассуждение ведется так, как если бы на этой точке зрения находился субъект, лишенный конкретных случайных свойств, как если бы все познающие субъекты были в точности одинаковы. Преткновением здесь является отношение субъекта и объекта, связь между ними. Варианты понимания этого отношения порождали разные направления в трактовке реальности. Для Платона реальность – это мир идей, для эмпириков – мир опыта. Для мистиков – сверхъестественное. Можно сказать, что реально то, что имеет место быть. Каково это место, зависит от точки зрения. Утопия – это то, что не имеет места быть. Поэтому все, что существует и может существовать в пространстве и времени (т. е. имеет место быть), иными словами, то, что мы называем «природой», можно назвать также и реальностью. Ведь природа и есть то, что существует и может существовать в пространстве и во времени и подчинено всеобщим законам. Правда, законы эти нам известны в очень малой степени. Средневековые «универсалии» тоже реальность, так как они имели место в Божественном разуме. Так что платоновский и средневековый реализм можно назвать идеальным (для Платона) и спиритуальным реализмом¹⁰. Естественный реализм нашего сознания заключается в том, что индивидуальная мысль интуитивно и непосредственно схватывает «не-я» как отличающееся от «я». Все дело в том, каков охват, масштаб этого «не-я». Тогда «я» в таком различии, очевидно, нереально. Восточные метафизические доктрины понимают реальность иным образом. Важное отличие здесь в том, что высшая реальность постигается не абстрактным мышлением, а через духовную практику, ведущую через определенные ступени посвящения к сверхсознанию, к космическому сознанию, а затем и «космическому бессознательному» или к не-проявленному.

В России реальность и, соответственно, соотношение субъекта и объекта были поняты некоторыми мыслителями совершенно особым образом. Можно назвать это космизмом, присущим в определенной степени русскому самосознанию в целом. Субъект познания связан бесчисленными и, разумеется, неосознаваемыми нитями с космосом, он не отделен от него, «высшая реальность» присуща нам самим, мы в ней органично существуем, мы и есть она сама, хотя не воспринимаемая чувствами, т. е. каким-то способом она существует в нас самих и вне пространства и времени; каков же способ ее существования – неизвестно, т. е. сознание не может себе его представить. Это различие в данном случае сводится к тому, что считается определяющим: высшая реальность или же то, что дано или может быть дано нам в чувственном опыте. В последнем случае высшая реальность становится производной, эпифеноменом: Бог существует потому, что я существую, и без меня он ничто; Вселенная такова, потому что я на нее гляжу! Или же: я существую, потому что Бог существует (он меня создал), и без него я не могу существовать. Третий вариант: Бог меня создал, чтобы существовать через меня, через человека обрести максимум существования на самом «дне» творения, в физическом мире. Я и Бог неразделимы, я – его другая сторона, свернутая в смертную форму, центром которой как раз и является Бог. Но, несмотря на смертность, временность, не вечность, человек и Бог образуют единство: Человека-Бога=Бога-Человека.

Конечно, воззрения космистов различаются, существует множество тем и оттенков в этой философии, но основной принцип остается – включенность во всепроникающую связь всего со всем во Вселенной, первичность духовного начала (все сначала происходит «в духе» и лишь после этого реализуется в физическом мире), универсальность жизни, поэтому в определенной мере их можно считать философами жизни. Космизм нейтрален по отношению к религии, он обращается к научным формулам, но в то же время эту точку зрения надо сравнивать с точками зрения не только собственно науки, но и магии, мистики, метафизики, философии. Это разные точки зрения, их различие можно прояснить в соотношении с понятиями реальности, действительности, духовного и физического и т. п.

Духовный мир, согласно традиционной точке зрения, есть сам по себе, он не произведен, реален, но существует не «в действительности». Почему так? Потому что мы в этой высшей реальности не можем действовать наподобие нашей деятельности в физическом мире. Но она оказывается в высшей степени реальной, когда мы осознаем, что находимся в ее «зоне действия», в полной от нее зависимости. Желание воздействовать на духовный мир молитвой, ритуалом или еще каким-либо методом (по сути, магическим) обнаруживает лишь навязчивую волю к власти, достичь желаемой цели оно принципиально не может, так как Бог, Дух не слушает нас, как если бы мы были вовне, обращались извне.

Поэтому некорректно противопоставлять науке (изучающей действительный, а точнее, физический, «внешний» мир) магию и миф как обращенные к «иному» миру. О магии как об особой науке, не отличающейся от последней по своим целям – познание реального мира, – говорили практически все ее исследователи, оспаривались лишь средства и границы реального. Магия – это особое сочетание знания и действия. Что касается мифа, который тоже имеет в виду реальность, но только видит ее иначе, чем современное рационализированное научное сознание, то он прямо относится к нашей теме. Реальность, которую выбирает себе для осмысления философия, отчасти всегда мифологична¹¹, она не есть реальность науки, выходит за границы мифов науки. Не важно, видим ли мы мир или только картину мира, здесь приемлемо несколько наивное представление – реально то, что есть. Человек посредством своего мышления и своей деятельности может привести к реальности то, что нереально и чего не может быть: мы привыкли к чуду науки и технологии – они осуществляют невероятные мечты человечества, реализуют нереальное. Но он не может поставить «золотую рыбку» себе в услужение, т. е. управлять, командовать духовным миром, доступ к которому открывается лишь при посвящении. Но тогда и человек меняется, он начинает осознавать бессмысленность посягательств своего маленького эго на всеобъемлющее начало, он сам становится духом.

Хотя западная философия часто ориентировалась на научный метод в изложении своих идей, но применяла этот метод своеобразно, не так, как он используется в самой науке. Философия есть самостоятельная мысль, основывающаяся не на каком-то данном

предмете и обязательном конкретном методе. Ее предмет мышления возникает только в процессе и даже только как финальный результат мышления; и этим предметом является то, что есть она сама вместе с тем, что она создала. Также и мифология, ее мир возникает в ходе процесса симбиотического действия воображения и мышления. Но это не поэзия в чистом виде, напротив, она в определенном отношении ей противоположна. Миф есть познание реальности, но не только данной в пространстве и времени, а реальности «в целом». Это символическое познание реальности, а символ, как известно, имеет две стороны: одна (знаковая, видимая, слышимая, т. е. явная) обращена к чувствам, к восприятию, к проявленному миру, к мышлению, а другая – к непроявленному. Символ построен по принципу близнецов. Поэтому истинный символ предполагает метафизическое истолкование: миф метафизичен. Слово «миф» (как и мистерия, мистика) происходит от корня «m» (отсюда франц. *muet*), означающего молчание. Изначальный миф ничего не говорит, он молчит; он не есть архетип или первоидея; древний, но уже рассказанный миф в своих непонятных образах тоже о чем-то молчит. Но именно это молчание о неведомом или, скорее, не высказываемом и есть конечная причина наших деяний, миф через нас и нами творит историю. Изначальный миф отнюдь не в бессознательном, как бы мы это бессознательное ни понимали. Бессознательное – это то же сознание, только не в фокусе внимания. Сознание может продлеваться в самых разных направлениях. Но когда ум смолкает, может возникнуть изначальное состояние молчания, тогда становится возможна интеллектуальная интуиция, ведущая нас к космическому осознанию и, в конце концов, к «космическому бессознательному», о чем выше уже упоминалось. Здесь пребывает изначальный миф, из которого всплывают все формы. Можно сказать, что он есть граница между проявленным и непроявленным; символически его можно представить себе как «глаз дерева», который должен находиться строго на границе двух сред, двух стихий – земли и воздуха, если его поранить или дерево посадить неправильно (выше или ниже границы), то дерево погибнет. В нем все будущее дерево – крона и корни. Изначальный миф для истории так же важен, как этот глаз дерева для будущего роста растения.

Наука и философия рассматривают только рассказанные мифы, т. е. уже имеющие отношение к многообразным формам реальности и истории, как она понималась согласно месту и времени. Изначальный миф действует, бездействуя, творит историю, не вмешиваясь в события, скрыто присутствует в языке и в слове, кои обступают его как некое свое тайное тайных и святая святых. Очевидно, что в культуре бытуют лишь вторичные формы и рассказанные мифы. В становлении этих вторичных форм в бесконечной цепи событий развертывается история, и тогда философия истории и историософия будет не поиском смысла этого становления, а бессмертным вопросом об истине: Что есть Истина... Истории?

Если философия связана с мифом, то космизм тем более балансирует на точке, сойдя с которой он превращается в фантазию¹². Но пока он остается на точке синтеза философского, мифологического и научного мышления, он прозревает множество замечательных и интересных вещей. Из этой пограничной позиции возможен более широкий обзор окрест себя. В то же время не следует думать, что в нем есть нечто мистическое. Напротив, мистическая точка зрения всегда религиозна, она предполагает индивидуальное отношение к божественному началу; в этом случае средства философии, науки или мифологии излишни, хотя мистические откровения облачаются в те же слова и образы. Это стремление индивида к высшей реальности, когда он жертвует некоторыми моментами своего эмпирического бытия. Поэтому религиозная критика космизма бьет мимо цели, его точка зрения не является религиозной, она имеет в виду другую, нежели религиозная, реальность.

Что в нашем контексте надо понимать под термином космизм? Весь корпус печатной продукции под этой рубрикой? Всех, кто говорит о космосе, о Вселенной? Нет. Здесь важен именно принцип космизма, т. е. особая точка зрения и принцип, согласно которому человек и всё, что существует в проявленном мире, связано бесчисленными связями с целым, с космосом, с Вселенной. Причем сама Вселенная рассматривается именно как «всё», проявленное и непроявленное, видимое и невидимое, чувственное и сверхчувственное, естественное и сверхъестественное, материальное и духовное, познаваемое и навсегда остающееся неведомым, короче говоря, «всё». Это уточнение необходимо было сделать, потому что в прямом смысле космическим является тот уровень универсаль-

ного существования, который можно называть опосредующим, промежуточным, средой всего существующего. Что он опосредует? Духовный и материальный¹³ мир, т. е. это идеальный мир, мир идей. На вопрос, где же эти идеи (эйдосы) существуют, Платон отвечал: в умном месте. Значит, место у них есть, но оно «умное», не материальное. Космос идеален (как синтез всеобщих законов), тогда как реальность есть то, в чем космос проступает, проявляется (в пространстве и времени). Таким образом, космисты – это мыслители, помещающие наше существование (в пространстве и времени, согласующееся с действием физических законов) в объемлющую его «среду», природа которой предполагается иной, нежели данная нам. Это всеобъемлющее есть Вселенная. Относительно нее («все-го») мы можем судить лишь по аналогии и представлять её лишь символически.

Слово «Вселенная» лучше всего выражает смысл космизма, каким он предстал в русской философствующей мысли: определение каждого явления вселенским целым и всепроникающая связь всего со всем; эта связь не выводима из явлений физического мира, она осуществляется не так, как, например, в механизме, машине, не внешним образом. Она носит иной характер, незнакомый и неизвестный нашему сознанию. Возможно, что она есть нечто вроде голографии, а возможно, что духовный вселенский закон и вовсе невыразим. Однако именно стремлением его выразить и отличается космизм, причем одновременно и для истории, и для Вселенной, и для отдельного конкретного человека.

Интересна сама попытка превзойти ограничение со стороны достигнутого к этому времени уровня знания, научной картины мира и выйти к всеобъемлющему принципу познания.

Подобное устремление можно встретить уже у Вл. Соловьева в его идее теокосмического процесса. Идея всемирного государства двигателя и создателей мировых империй: установить мировой порядок на свой лад и вкус, согласно своим понятиям о должном и хорошем. Н.Ф. Федоров, который считается космистом по преимуществу, видел препятствие на пути достижения всеобщего счастья в том, что дети соглашались со смертью отцов. Поэтому невозможно построить справедливое и одновременно счастливое общество, не возродив отцов. Удивительный моральный постулат, хотя и странный по своей конкретизации. Странная и неотложная цель,

которую Федоров предложил человечеству, не свойственна другим русским космистам. Но все они также рассуждали с точки зрения «космической морали».

Принцип космического мироощущения заключен в идее всеобъемлющего целого, всеединства. Целое, всеобъемлющее определяет и самого себя и весь свой состав, т. е. все множественное, индивидуальное существование. «Зло» индивидуальной ограниченности снимается через определение со стороны целого и единого. А целое, единое и всеобъемлющее есть Вселенная, т. е. «всё». В космизме Бог и Вселенная не противостоят друг другу. Их противопоставление в религии¹⁴ связано с ее социальной ролью: быть идеологическим инструментом власти, средством управления через психическое воздействие и подавление свободной воли. Для успешного исполнения этой роли, разумеется, надо хорошо знать природу человека, его психику.

Истоки русского космизма лежат в том, что можно назвать русской философией жизни. Эта тенденция в интеллектуальной и духовной жизни нашей страны возникла несколько в стороне от доминирующих течений в русской философии. Западные влияния – сначала Шеллинга, Гегеля, Канта, затем позитивизма, социализма, марксизма – определяли собой движение философской мысли. Но это все-таки прививки, влияния извне, конечно, не бесполезные. Она не была самостоятельной, хотя и в этих рамках мысль как-то развивалась, изощрялась, совершенствовалась. В то же время философия не может существовать только в заимствованиях, образцах, пусть и очень высоких. Главный ее признак – это самостоятельность мышления. Призыв к самобытности, как у славянофилов, тоже не был самобытным, он был озвучиванием романтических идей на русской почве. Реакцией на такую несносную зависимость были с одной стороны русская религиозная философия, зависящая от православного мировосприятия, а с другой – русский космизм, отчасти переплетенный с религиозной философией. Самостоятельным в полном смысле слова мог быть только непредвзятый взгляд на жизнь, в том числе на свою собственную и на жизнь своей страны. К таким философам жизни я отношу Н.И.Пирогова, К.Н.Леонтьева, Н.Ф.Федорова В.В.Розанова, космистов в самой науке (В.И.Вернадского, К.Э.Циолковского и др.).

В чем же мы можем обрести живой источник, который утолил бы жажду высшего (философского) знания? Мы должны обратить свой взгляд на то, что представляется самым важным в реальной жизни. Но ведь мы не видим эту самую реальную жизнь, кругозор наш ограничивается не только каждодневными и преходящими требованиями, злобой дня, другими, более масштабными «злобами», но и общим духовным уровнем человечества. Даже найдя в себе силы отвлечься от «злой» и превзойти наличный уровень, мы не можем определить, что же самое главное, в чем самая неотложная и ключевая проблема, которой стоит заниматься именно нашей, российской философии. На что она должна ответить?

Самостоятельная мысль встречала повсюду ограничения со стороны доминирующей идеологии. С одной стороны, это было православие, а с другой – агрессивный в идеологическом плане позитивизм и марксизм. Немногие находили свой, в определенной степени независимый путь. Таков был космизм, а также оригинальная философия жизни (вне зависимости от личной религиозности ее представителей). Эстетизм и аристократизм восприятия мира позволили К.Леонтьеву увидеть угрозу со стороны Запада, разрушавшего у себя все благородное, навязывавшего и нам свои законы «земного всеблаженства, земной радикальной всепошлости». Отвращение его к мещанской пошлости буржуазности (она наступила-таки и Россию) Н.Бердяев выводит из неутолимой страсти к жизни, из тайной любви к ее сладости: «Это была сильнейшая страсть его жизни, и она не сдерживалась никакими моральными преградами... Была у Леонтьева еще положительная страсть к красоте жизни, к таинственной ее прелести, быть может, была жажда полноты жизни. За своеобразным, дерзновенным и жестоким, притворно-холодным стилем его писаний чувствуется страстная, огненная натура, трагически-раздвоенная, пережившая тяжкий опыт гипнотической власти аскетического христианства»¹⁵. Исходный принцип «почвы», конечно, отмечал склонность Леонтьева именно к стилю философствования, нацеленному на «целое» жизни, правда, почву он искал там, где ее быть не могло, в византинизме. Еще более явно тенденция «философии жизни» видна в размышлениях В.В.Розанова. Это по-настоящему самобытная философия на русской почве. Обычно интерес к этому замечательному мыслителю подогревается его двойственным отношением к христианству.

Мне представляется, что подлинно самобытную русскую философию надо и сейчас искать не в университетах и академиях, не в ученой среде, а где-то совсем в другом месте. Даже если мы будем в совершенстве ориентироваться в западной или восточной философии, мы не станем истинными западными или восточными философами. Подобно тому, как Пушкин, «писавший и говоривший по-французски не хуже природного француза, был бы верно плохим французским поэтом»¹⁶, что остроумно подметил Н.И.Пирогов. Николай Иванович Пирогов был не просто выдающейся личностью, но и замечательным и оригинальным философом. Жизнь и мысль – это вселенские начала: «Жизнь, сила, движение и мысль – для меня понятия, так неразрывно связанные между собою, что я ни одного из них не могу представить без другого... При исследовании отвлеченного понятия о мировой жизни мы не в силах сладить с громоздким веществом, которым она располагает для своих проявлений, а исследование частных ее проявлений делает наше представление о мировой жизни отрывочным, односторонним и часто ложным. Одно только неоспоримо для каждого беспристрастного и неблизорукого наблюдателя – это целесообразность, причинность, план и мысль во всяком проявлении мировой жизни. Это значит не что другое, как совпадение нашей мысли, наших стремлений к отысканию целей и причин – с тем, что мы находим в мировой жизни»¹⁷. Жизнь и мысль обладают вселенским характером. Мировой разум, мировое сознание только проявляются через мозг, «прибор, составленный по определенному плану», который есть орган мировой мысли. Вся моя жизнь пропитана вселенской мыслью, вплоть до самых бессознательных импульсов и чувственных впечатлений. Это суперсовременное и одновременно созвучное вечной духовной традиции знание целостного мира как мыслящей жизни отвечает задаче, стоящей перед человечеством здесь и сейчас – преобразования самой мысли, понимания интеллекта не только как рассудка, рациональности, но как высшей способности, синтезирующей в себе все наши потенции и созвучия, связи с вселенским целым. Н.И.Пирогов размышляет о силе без проявления ее в веществе, «без этой первобытной силы не было бы ни малейших вещественных частиц, и беспредельно разделенная материя исчезла бы из нашего чувственного мира... Убежденный, что сверх моей мозговой мысли существует еще другая, высшая

мировая, я верю, что сила продолжала бы существовать и действовать в этой мировой мысли. Мысль же эта и действующая через нее мировая сила – это мировая жизнь... Жизнь – это осмысленная, безгранично действующая сила, управляющая всеми свойствами вещества (то есть его силами), стремясь притом непрерывно к достижению известной цели: осуществлению и поддержке бытия»¹⁸.

Интересно, что многие из тех, кого я причисляю к русской философии жизни, испытали в своей судьбе резкий поворот, критическую ситуацию, поменявшую для них не только ход жизни, но и всё мировосприятие. Н.И.Пирогов, в первой половине своей жизни, бывший совершенным позитивистом и как большинство врачей (в особенности хирургов) по необходимости невосприимчивым к чужому страданию, безжалостным¹⁹, после пережитой тяжелой болезни стал глубоко верующим человеком, даже можно сказать, одаренным живым чувством, жившим скорее в «киномирье», по его словам, нежели в банальной повседневности (похожий поворот пережил и К.Леонтьев). После переворота в судьбе это совсем другой человек, приобретший иное измерение:

«...Я живо ощущал, что сделался частицею
Какого-то высокого Начала,
Которое, согрев и озаряя меня, влекло к себе.
Я с ним сливаюсь,
И все земное зло меня оставило
И увлекло с собой печальную идею разрушенья.
Я потерял различие начала от конца.
И настоящее так с будущим во мне слилось,
Что я не знал, живу ли я
Иль буду только жить.
Прошедшее, воспоминаний грустных полно, унеслось,
И свет, не тот, который мы привыкли
Здесь смотреть одних очей окнами,
Не сотрясение неведомых частиц,
Но слитие всего высокого, прекрасного, святого, –
Проник меня, гармонией во мне разлился.
И все, что на земле казалось загадочным и темным,
Мне там стало ясным.
Исчезли ночи, мрак,
С очей души низринулась завеса;
Все изыскания ума,
Одних предположений дерзких полны,

Там убеждением и верой чистой заменились;
Тот мир, в который я
Одним полетом перенесся,
И «я» мое, как две струи,
В одну струю стеклись.
Все разногласия борьбы,
Влияния житейских смут окончились.
Все ощущения в одно слились.
Одно лишь ощущение бессмертия
И к вечному стремление Началу
Составили меня и заменили мне
Всех благ земли, всех наслаждений сладость.
Вопрос – к чему, куда стремлюсь,
Зачем терплю, веду борьбу? – решился.
Ответ не в умозрениях, а в чувстве находился.
Понятие о времени исчезло.
И так, не знаю, долго ли,
Восторженный, я в тех пределах обретался;
Не помню, как, когда
В материальный быт земли
Опять я возвратился;
Как отвлеченное во мне
Опять с вещественным слилось.
От тех мгновений кратких
Мне осталось одно, одно живое ощущение,
Так сходное с стремленьем тем
К Предвечному Началу,
Так с ощущением бессмертия родное,
Так точно сладкое, животворящее, святое...
Оно одно из тех неведомых пределов
Сошло со мной в земную жизнь.
Оно одно осталось мне в воспоминанье,
Одно, одно живит меня теперь и наполняет грудь,
Оно одно напоминает Небо, Вечность, Высший свет,
Одно вселяет упованье
И жить для жизни той велит.
Любовь есть ощущение то, –
Оно одно со мной на землю возвратилось»²⁰.

Важнейшие идеи, высказанные впоследствии Н.И.Пироговым, касались того, что можно назвать биоцентрическим пониманием мира.

Наш интеллект, размышляет Пирогов, хотя он и является отзвуком мировой мысли, отрешен от переживания Предвечного Начала, он, отвернувшись от любви, экстаза, воодушевления и подобных знамений вечности, устремился к различающему познанию деталей земного опыта. В мистике часто говорят о соединении ума и сердца, об интеллектуальной любви; для полноты их соединения можно допустить возможность и любящего интеллекта, ведь у любви есть свой стиль постижения мира, и он не лишен тайного порядка, своей логики, пусть и непонятной для обыденного рассудка.

Понятие жизни для него не производимо ни из чего другого. Для постижения этого нужно признать мировое сознание, мировое мышление, мировой разум. «Мы окружены со всех сторон мировыми тайнами», – считал он. Вера предваряет знание. Вера – знание о неизвестном, и до Вл. Соловьева он говорил о цельном знании, цельной истине, непроницаемой таинственности бытия. Наше «я» есть лишь индивидуализация мирового сознания, но поскольку мы сознаем себя (а это само сознание «цельно и нераздельно»), мы уже закрепляемся в духовной обособленности. «Меня поражает необъяснимое тождество и цельность нашего “я”»²¹. В Космосе существует «высшее начало сознания и мысли»²². В Беспредельности находится, по его мнению, жизненное начало, которое он сравнил с особым светом – световым эфиром, «непохожим на вещество, способным проникать через вещества»²³.

Однако органическая эпоха оборвалась, такое резюме высказал известный историк русской философии В.В.Зеньковский. Органическую цельность нельзя обрести возвратом к природе или к почве. История произвела свой тотальный поворот, и он произошел не в направлении русской философии жизни. Многие мотивы остались в том, что мы называем русским космизмом, но он раздвоился на научный космизм и квазиэзотерический. Универсализм того и другого отрицать нельзя, но синтетического знания невозможно достичь по этим направлениям философских размышлений.

Удивительно, насколько схожа ситуация в умственной и духовной жизни конца «органической эпохи», настигшего русскую культуру в XIX в., с современной, только современная ситуация еще более жестокая и бессовестная: «И это отрицание философии, – вернее сказать, отречение от философии, – означало именно этот

моралистический подлог, подстановку или подмену критерия “истины” критерием “пользы”. Это была роковая болезнь, – одичание умственной совести... Всего менее настроение тех годов было “реалистическим”, как бы много тогда о “реализме” ни говорили»²⁴.

Изгнание дало определенные возможности с внешней позиции осознать особенности русской жизни, понять причины катастрофы, взглянуть на русскую историю со стороны. И.А.Ильин пишет: Мы «не оправдались перед судом истории: мы не сумели отстоять ни нашу свободу, ни нашу государственность, ни нашу веру, ни нашу культуру...»²⁵. Судьба России – это национальная трагедия, но он верит, что «омрачение пройдет и духовные силы воскреснут». Дух народа воскреснет, как возрождается и выздоравливает больной организм. Интересно, что свобода им понимается как неотъемлемое качество жизни, а вовсе не как регулятивная идея, которой нет места в действительности: «Человеку подобает свобода в силу двух оснований: 1) в силу того, что он есть живой организм; 2) в силу того, что он есть живой дух»²⁶. Только в этих условиях возможно чувство собственного духовного достоинства: «Это будет свобода здорового, органического инстинкта и свобода духовного опыта, пределы коей будут указаны в законе»²⁷. Наивная уверенность в том, что можно разделить «хорошую» свободу и «плохую» при помощи закона. Закон, который противостоит благодати, истоку свободы, есть всегда подавление, точнее, распределение – полное или частичное – свободы. Он распределяет эту самую свободу, якобы справедливо. Ильин свято верит в возможность справедливости, но даже свободу убеждений и вероисповеданий подгоняет под «Империю» и «исповедания праотцев». Странно, но эта «предписанная» свобода в заранее указанных границах сильно напоминает «предписанную добродетель», против коей сам Ильин так горячо восставал!

Ильин, конечно, имеет в виду православную религиозность, но смешанную с романтическим представлением о духе народа. Отрицать существование «духа народа», как и определять его, опираясь на наши сегодняшние представления, привязанности, желания и вожеления, было бы не только неправильно, но и несправедливо. Обычные характеристики, которые давали русским – отзывчивые, терпеливые, восприимчивые и т. п., – оказались поверхностными, потому что эти черты были выработаны как

раз отсутствием духовной свободы, вековым подавлением самостоятельности и самодеятельности. Искалеченность принимали за самобытность. Революции и войны показали, что все это был поверхностный образ. Катастрофы срывают все покровы, маски. И всякий раз получалось, что у нас нет знания свободы, столкновение с которой, с самой возможностью ее приводило народ как бы в помешательство. Свобода всегда экстаична, и она всегда присуща человеку, индивидуально и социально. Все дело в степени. То, что называют духом народа и есть его изначальная свобода быть в Божественном луче. Бытие тогда раскрывается в полноте, в истории, приносящей плоды... – плоды просвещения, облагораживания, цветущей сложности. Дух народа есть нечто аналогичное первой программе, в которой, как в зерне, свернуто его будущее; дух народа есть изначальный миф, развертывающийся в его исторической судьбе.

Религии все без исключения посягают на то, что они якобы умеют и могут через свою организацию управлять неведомым, владеть божественной энергией и распределять доступ к ней по своим правилам. Истинные их цели, разумеется, не простираются за горизонт социальных интересов. Этот факт, конечно, не отрицает возможность действительной духовной жизни и внутри религиозных сложившихся форм, равно как и вне их, но она, как правило, остается «на полях» бытующих в конкретном социуме и культуре религиозных форм и стандартов. Люди, ведущие свою духовную жизнь, источник которой вне исторически ставших форм, всегда «странные» для общества, в коем пребывают; как правило, им же и преследуемые, что естественно, ведь они самим своим бытием угрожают status quo. В последующем, конечно, социум их осваивает, присваивает, включает тем или иным образом в корпус уже имеющих странностей. Новые странности эксплуатируются нередко вполне успешно на протяжении длительного времени. Культура против жизни, религия против духа – в этом режиме строится история, известная нам по свидетельствам из прошлого. Какая идет скрытая война под поверхностью этой известной истории, – об этом мы можем судить лишь по аналогии с современными нам событиями и противостояниями. Так хитроумный преступник скрывает истинный ход событий за витриной рассказанных историй и нарисованных картинок, за легендой. Историка ничего не остав-

ся, как только расследовать действия этого преступника, искать его мотивы, учитывая все возможные обстоятельства, реконструируя «идеальное событие». Идеальный ход событий может восстановить человек, одаренный не только логикой, знанием человеческой природы, но и своего рода ясновидением, способностью войти в прошлое не на «поверхности вод», а в тайные глубинные потоки.

Пространственным масштабам России соответствуют временные масштабы, т. е. ее история начинается не с принятием христианства (это была такая же революция, как и революция 17 года), а за много тысячелетий до этого, наше начало восходит к общему истоку индоевропейской цивилизации и может быть отчетливо прослежено, если этому не препятствуют идеологические предубеждения и враждебные интересы определенных групп. Мало того, масштабы духа народа (души России) также соответствует масштабу отнюдь не локальному и ситуативному. Это вселенский масштаб: «Россия имеет свое продолжение во вселенской реальности. Это и есть Россия вечная, связанная с Абсолютом и Последней бездной..; непознаваемая умом Россия», – пишет Ю.В.Мамлеев²⁸. Россия имеет не только продолжение, но и начало ее в этой же реальности, в Духовной Вселенной, в Абсолюте. Относительно Бездны ничего не известно, ведь оттуда сведений в наш мир не приходит, почему бы ей не быть тем же самым, что и Абсолют, о котором также ничего не известно?

Метафизику Мамлеева тоже можно назвать современной русской философией жизни, только жизнь здесь должна пониматься не в узком телесном смысле; жизнь также простирается далеко за пределы границы наших физических тел, кои суть отпечатки нашей подлинной духовной сущности, не сравнимой по своему информационному объему с нашим маленьким «я» и ограниченным в пространстве и времени физическим телом. Человек забывает о своем инобытии, именно забвение отпечатывается в нашем дневном сознании и в стандартах культуры. Особость, неповторимость «русского духа», нашей культуры в том, что включенность во все-ленские связи, вселенский масштаб, космизм неотъемлем от нормального самочувствия русского человека, конечно, и всех тех, кто сумел присвоить себе это самочувствие, стать в этом смысле русским. Язык и культура, общение и сама жизнь в России дают такую возможность – разомкнуть себя в направлении Духовной

Вселенной, укорененной в Абсолюте, аналогами которой являемся и мы сами, неотделимыми от нее и хранимыми ею. Именно то, что Россия не утратила невидимую связь с Изначальной Духовной Традицией в неуничтожимом чувстве космической связи свидетельствует о том, что перед ней открыто столь же масштабное будущее, каково и ее прошлое, берущее свое начало в той же самой Изначальной Вечной Традиции. Традиция, о которой здесь идет речь, не есть культурные и религиозные формы, в которых она лишь частично и искаженно представляется для ограниченного сознания современного человека. Память о своей настоящей родине, о Духовной Традиции находится в центре русской культуры, за всеми наслоениями влияний и заимствований. Возрождение этой Традиции будет воспоминанием об изначальном мифе, о «мысли Бога» о нас и нашей судьбе.

Однако все конкретные, «очевидные» характеристики русской души, русского человека, которые придаются столь замечательными философами (и многими другими, как патриотами, так и «руссофобами»), совершенно поверхностны, случайны, невозможно из наличных черт, причинами коих могут быть самые разные обстоятельства, заключить о сущностных чертах русского человека. Является ли «советский человек» русским? Да ни в малейшей степени, советскость, социализм был насильственно и жестоко навязан России, хотя сам факт прохождения русской истории через этот искус, по выражению И.А.Ильина, взывает к осмыслению. Мнение Ильина о русской душе столь же далеко от правды, как и мнение Мамлеева. В первом случае это более заметно, так как историческая дистанция его «точки зрения» от нас больше. Мамлеев остается нашим современником, и желаемое одолевает в нем объективно возможное, он жаждет невозможного. Проявляется только возможное, сколько бы мы ни предпочитали иного. В его характеристике «архетипов» русскости нет ничего архетипического, а тем паче метафизического (тут и православие, и хаос, и иррационализм и пр.; все это, конечно, плоды личного психологического опыта). Совсем другое дело его исходная позиция «Вечной России», связи России с Востоком, протосанскрит, арийство и т. п. прозрения. Они опираются на весьма надежные данные, свидетельства, да и не лишены внутренней логики, несмотря на любовь автора к бездне, хаосу, ничто и прочим мракам.

Великий исторический масштаб вовсе не исключает локальный и ситуативный, они предполагают друг друга. Мы ведь не только планетарно-космические существа, но социально-исторические тоже; событийная история России включена в мировую историю, ее не обходят происходящие там процессы. Современность характеризуется нарастающей индивидуализацией. Индивид обрел самостоятельность по отношению к любой «коллективности». Этот факт означает, что все прежние формы интеграции, адаптации, социального контроля, фиксированные в существующей культуре, наследнице другого типа социума, в котором индивид не обладал такой степенью отделенности от группы, себя изжили. Поиск новых форм происходит бессознательно, их отбор реализуется спонтанно. Поскольку в этот процесс вовлечен весь мир, постольку и перед нашей страной стоит задача осознания своей ситуации в этом плане. Возможно, что обращение к православию, попытка его возрождения вызывается этой ненадежной, непонятной ситуацией. Однако сложность новой ситуации взывает и к новому типу интеграции, на который никак не может претендовать по сути средневековый социокультурный институт религии. Русская философия жизни призвана осознать эти условия нашего существования, найти возможность восстановления истинного отношения духовного начала и проявления его в культуре и совместной жизни людей.

Возвращаясь к началу нашего рассуждения, мы должны отметить разницу между немецкой философией жизни и русской. Русская философия не получила достойного ее развития, точнее, она мужественно старалась высвободиться от влияния западной философии, с одной стороны, а с другой, от принудительности идеологии христианства. Запреты на философию, подозрительность по отношению к ней со стороны власти, конечно, тоже не способствовали ее самостоятельному развитию. Но в каждой тяжелой ситуации можно найти и положительный момент. Здесь он состоит в том, что мысль не дошла до такого обязательного противопоставления культуры, сознания и жизни. Дело здесь в понимании самой жизни. Точнее сказать, в понимании человека. Это тот самый вопрос, на который осталось ответить И.Канту: что такое человек?

Русский человек не антитрадиционен. Он интуитивно обращен к Традиции, но, конечно, не в профанном ее понимании. Духовная Традиция есть то, что придает целостность и смысл всему существующему. Идея о всемирной отзывчивости русских довольно двусмысленна: она, возможно, есть отпечаток обращенности к Единой Традиции. Но, как обычно, отпечаток искаженный, т. е. отзывчивость не есть синтез, а только лишь смешение.

Человек с точки зрения Единой Духовной Традиции есть вселенское существо, отнюдь не ограниченное своим физическим телом. Поэтому его жизнь простирается намного дальше, чем мы полагаем. Он живет не только частными, ограниченными обстоятельствами. Он живет в истории, и он живет вселенской жизнью. Как писал Н.Бердяев: «Историческая судьба народов и всего человечества есть моя судьба, я в ней и она во мне. Я живу в прошлом и будущем истории моего народа, истории человечества и истории мира. И все жертвы всемирной истории совершаются не только мной, но и для меня, для моей вечной жизни... Узость человеческого сознания, выброшенность человека на поверхность не может быть опровержением той великой истины, что каждый человек – всемирный по своей природе, и что в нем и для него совершается вся история»²⁹.

Жизнь не только функционирование плоти и даже не столько плоть вообще. Жизнь есть Дух жизни, он пронизывает собою всё, Вселенную, Землю, и «движет Солнце и светила». Если человек ограничивает понимание себя телом, то он сжимается до ничтожной, исчезающей точки в бесконечности, равнодушной и холодной. Такова точка зрения современной западной науки и философии: человек – ничто, но ничто захватническое, ему надо всего очень много и все больше и больше, он осваивает мир, противопоставит ему, покоряет, захватывает. И чем сильнее он настаивает на этом определении как «ничто», тем более возрастают его потребности, агрессивность. Но на самом деле это определение себя через ничтожество перед лицом Вселенной, всего, есть продукт ложного самоотождествления – «я» не есть физическое тело, не есть мое сознание, не есть мои чувства, разум и т. д. **Человек не ограничивается** свойствами своего проявленного существования, его существо простирается – как альфа и омега – от начала до конечной цели творения, он информационно совпадает с Вселенной. Об

этом (тождестве или аналогии микровселенной, т. е. человека, и макровселенной, т. е. мира) говорится в каждой подлинной традиции. Это и есть основание духовной свободы, символическим выражением которой и была русская философия жизни. Истинность философии не в складности и ладности умственных конструкций, хотя это тоже очень приятно и желательно, а в том, какие перспективы она дает народу для его исторической реализации. В истории чаще всего бывает, что победитель на внешнем уровне, почти что завоевавший весь мир, в один миг теряет всё, народ, давший силы этому победителю и завоевателю, как бы сжимается, уходит на вторые, а то и третьи роли на исторической сцене, кстати, нередко вместе с теми, кто был духовным руководителем и подстрекателем вождей. Истинная и длительная победа всегда будет за Духом Жизни, за теми, кто с ним совпадает в стремлении к его возрастанию в самом себе и в мире. В истории действует не абстрактная, хотя и Абсолютная идея, а самовозрастающий Дух Жизни³⁰. Он не закатывает, как тяжелый каток, всех в асфальт безразличного единообразия, давя на своем историческом пути народы и государства, как это делает порождение немецкого духа гегелевская идея абсолютного государства. Дух Жизни есть дух «цветущей сложности». Говоря символически, Дух Жизни персонифицируется Афродитой Уранией (отпечатком коей является Афродита Всенародная), а философия – Афиной Палладой, девственной мудростью, Девственным Духом. Но ведь Афина и Афродита – сестры, они как две стороны одной медали, или, в символе близнецов, двойственное единство; близнецы изображаются в этом символе сидящими спина к спине, т. е. это не-двойственная истина, обращенная к двум разным мирам. В единстве Девственного Духа (Афина) и Духа Жизни (Афродита), коего взыскует философия жизни, обретается точка соединения или точка перехода данного и иного миров, проявленного и не-проявленного, это есть точка изначального мифа.

Истина истории разворачивается в становлении, если принять точку зрения диалектики. Принципом становления является само время, следовательно, время есть истина истории, оно и есть Истина. Поэтому она так неуловима. Истина нашей жизни есть все, что происходило и произойдет в ней, сама ее канва, все вмещающее время от рождения до смерти. А универсальное суще-

ствование предполагает, что мы можем о нем узнать что-то, только если мы также представляем его развертывающимся во времени. В качестве принципа субъективное и универсальное время аналогичны, это всё, становящееся ничем, ничто как всё, Бытие как исчезающая и растворяющаяся предметность. Мы не могли получить ответ на вопрос «Что есть истина?», ведь она не есть «что», всё не есть определенное что-то, оно ничто из всего данного.

Где жизнь, там и смерть. Она живет нашей жизнью, жизнью нашего физического тела. Ее нельзя отделить как особое событие, момент завершения потока времени, закрывающего собой нашу тотальность, потому что она присутствует в каждом событии и заставляет нас творить свою жизнь. Знаменательный факт – первым философом жизни в России был «старый врач», знаменитый хирург Н.И.Пирогов, улавливавший тонкую связь между жизнью и смертью реально в своей врачебной практике и интеллектуально в своих очень глубоких размышлениях по поводу самых разных сторон жизни, как личной, так и социальной, как духовной, так и чисто психологической и бытовой. Можно его жизнь понять как философский праксис, осознанный им (и осознаваемый, ведь ему был присущ в самой высокой степени самоанализ) и воспроизведенный в его воспоминаниях в конце жизни.

В момент окончания жизненного пути, того, что мы называем смертью, душа соединяется со своим ангелом, этот момент и есть истина прожитой особой, частной индивидуальной жизни, это и есть момент истинной любви. Любовь потому сильна, как смерть, – что она и есть смерть.

Примечания

- ¹ Философия естественно возникает в процессе человеческой жизни как завершение жизненного опыта, поскольку индивид стремится охватить психическую внутреннюю связь общезначимым знанием: «То, что связано между собой в глубинах структуры, – познание мира, жизненный опыт, принципы действий, – то должно быть приведено к некоторому объединению и в мыслящем сознании. Так возникает в данном индивидууме философия. Философия заложена в структуре человека; каждый человек, какую бы позицию он ни занимал, стремится приблизиться к ней, и всякое человеческое действие имеет тенденцию достигнуть философской сознательности» (*Дильтей В. Сущность философии*. М., 2001. С. 69–70).

- ² *Ортега-и-Гассет Х.* Тема нашего дня // Что такое философия? М., 1991. С. 13.
- ³ Там же. С. 29.
- ⁴ Там же. С. 50.
- ⁵ И даже если философия – это «законодательство разума», то для мировой философии, которая и была бы метафизикой, «учителя нигде нет».
- ⁶ Архитектура и легенды, сопутствующие истории создания этого Собора, весьма характерны для русских. Собор считается хранителем Земли Русской, по своему виду, по сложной пространственной организации и яркой выразительности он напоминает индийские храмы; может быть, Барма-и-Постник был на самом деле Постник Брахман, считавшийся аскетом пришелец из далекой Индии? Тогда этот храм есть знак перехода в пространство единой Духовной Традиции.
- ⁷ Кант противопоставлял школьную – мировой философии, т. е. метафизике как науке, которая для него оставалась в далекой перспективе.
- ⁸ *Шлегель Ф.* Философия жизни // Эстетика. Философия. Критика. Т. II. М., 1983. С. 336 и 342.
- ⁹ Является ли чистый разум И.Канта общечеловеческим? Ответ на этот вопрос вовсе не столь очевиден, как ему самому это представлялось. Универсальны лишь искомые метафизические принципы, тот неведомый икс, к уяснению которого стремится любое познание. Понятно, что общечеловеческое и универсальное есть совсем не одно и то же.
- ¹⁰ В истории мысли смысл слов менялся и перекрещивался. На первый взгляд, противопоставление этих терминов ситуацию упрощает, но лишь по видимости. Определять реализм через понятие места прояснит ситуацию, так как вещь всегда имеет место быть или не быть.
- ¹¹ Хотя она часто предлагает себя в одеяниях научного знания. Начиная с Аристотеля, эта мода соперничает с другой – высвобождения мысли из смиренной рубашки метода. И так вплоть до наших дней. В русской философии тоже существуют обе тенденции. Г.Шпет пишет: «Я признаю философию только как знание», имея в виду, конечно, его как вершину всей суммы познания (*Шпет Г.Г.* Очерки русской философии // *Шпет Г.Г.* Соч. М., 1989. С. 12).
- ¹² Миф не есть фантазия, миф имеет в виду реальный, но не данный мир. Чтобы понять миф, нужно воображение, но воображение отличается от фантазии тем, что оно имеет дело с познанием; оно является одним из его средств, а фантазия имеет дело с незнанием.
- ¹³ В прямом смысле материя не только непознаваема, но и не обладает существованием. Понятие материи эмпирически образуется вокруг чувственного восприятия непроницаемости, столкновения с чем-то неодолимым. Но она оказывается неуловимой и ускользающей не только для исследования (поймать природу «за руку»), на месте преступления пока не удастся эмпирической науке), но и для теоретического ее определения как абстрактного понятия. Поэтому надо ее понимать как принцип. Духовный и материальный принципы опосредуются Вселенной.
- ¹⁴ Бог и мир разделяются практически в любой религии.
- ¹⁵ *Бердяев Н. К. Леонтьев – философ реакционной романтики // Леонтьев К.* Восток, Россия и Славянство. М., 2007. С. 4.

- 16 *Пирогов Н.И.* Вопросы жизни. Дневник старого врача. М., 2010. С. 159.
- 17 Там же. С. 30.
- 18 Там же. С. 32–33.
- 19 Во время учебы в Дерпте: «Я был в то время безжалостен к страданиям. Однажды, я помню, это равнодушие мое к мукам животных при вивисекциях поразило меня самого так, что я, с ножом в руках, обратившись к ассистировавшему мне товарищу, невольно вскрикнул: Ведь так, пожалуй, можно зарезать и человека. ...Но наука не восполняет всецело жизни человека; проходит юношеский пыл и мужеская зрелость, наступает другая пора жизни, и с нею – потребность сосредоточиваться все более и более и углубляться в самого себя; тогда воспоминания о причиненном насилии, муках, страданиях – другому живому существу начинает щемить невольно сердце. Так было, кажется, с великим Галлером; так, признаюсь, случилось и со мной, и в последние годы я ни за что бы не решился на те жестокие опыты над животными, которые я некогда производил так усердно и так равнодушно. Это своего рода *momento mori*... Я был жестоким без нужды и без пользы; и воспоминание мое теперь отравляет еще более то, что, причинив тяжкие муки многим животным существам, я часто не достигал ничего другого, кроме отрицательного результата, т. е. не нашел того, чего искал» (Там же. С. 411–412).
- 20 Русская старина, 1916, № 3. С. 443–445 // Цит. по: *Тюриков А.Д.* Живое чувство инобытия (статья не опубликована).
- 21 *Пирогов Н.И.* Вопросы жизни. С. 192, 193.
- 22 Там же. С. 87.
- 23 Там же. С. 99.
- 24 *Зеньковский В.* Христианская философия. М., 2010.
- 25 *Ильин И.А.* Наши задачи. Париж–М., 1992. С. 106.
- 26 Там же. С. 155–156.
- 27 Там же. С. 157.
- 28 *Мамлеев Ю.В.* Россия вечная. Архетипы русского метафизического сознания // Становление новоевразийской цивилизации в постиндустриальную эпоху. Т. II. М., 2011. С. 25. Конечно, многие утверждения автора сомнительны, например об изначальном хаосе. Само слово «хаос» в Древнем Вавилоне обозначало мастерскую, где делали богов из глины. «Очевидность хаоса» есть именно очевидность (предъявленность очам), но не истина. Это древняя мифологема противопоставления космоса и хаоса, последний символизируется стихией воды. Но, строго говоря, хаос является производным порядка, просто порядок столь сложен и непостижим (это порядок божественной архитектуры космоса), что любое его представление, понимание, схематизация вносит в него беспорядок, создает хаос. Хаос производная нашего познания и безумной деятельности, в которой сталкиваются различные несовместимые порядки. То же самое можно сказать о Бездне. Нам нравится пугаться мрака, как детям нравится бояться темноты. Вообще характеристики русской жизни и русской души извлекаются из данных проявлений, обусловленных обстоятельствами жизни и историей, а вовсе не обязательно «глубиной». Эти глубины, как правило, крайне субъективны, как и вообще все мистические

откровения. У Мамлеева также все верно, пока речь идет о принципах, но как только начинается перечисление «архетипов», то все уплывает в мутные воды произвольных предпочтений, субъективных мнений, случайных наблюдений (над собственными духовными переживаниями, в основном). Хаос порожден порядком, Дьявол рожден религией, Антихрист – христианством.

²⁹ Бердяев Н. О частном и историческом взгляде на жизнь // *Бердяев Н. Судьба России*. М., 2010. С. 286.

³⁰ Следствием узкого понимания человека и жизни явилось противопоставление «света разума» и «стихийного, иррационального, хаотичного, темного», и провозглашение этого всего «темного» изначальным, глубинным и фундаментальным в человеческой «природе». Совершенно очевидно, что это раздвоение «природы» и «разума», сознания, культуры есть следствие точки зрения, с которой человек видится животным и растением. Мыслящим тростником. Или даже думающей машиной. Это специфически современный, западный взгляд на человека, странность его состоит в том, что сам человек элиминирует свою собственную истинно человеческую сущность (эта сущность в том, что он есть вселенское духовное существо, занимающее определенное место и имеющее важное предназначение во Вселенной), заменяя ее отпечатком, изменчивым изображением в проявленном мире. Неопределенное понятие «природы» противопоставлено здесь столь же неопределенному понятию «культуры».